

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-14-70001)

«Коммуникативные модели этнокультурной идентичности в дискурсивном медиaprостранстве современного города».

В центре внимания – экспликации когнитивно-коммуникативной структуры этнокультурной автохарактеристики, выявленные в результате психолингвистического эксперимента. В работе представлен опыт описания этнокультурной аксиологической модели, реализующейся на уровне поиска ценностных оснований национально-культурной самопрезентации. Выводы, полученные в результате эксперимента, позволяют реконструировать актуальный срез этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность; ценностно-смысловое пространство языка; аксиологизация; этнокультурная самоидентификация; аксиологическая модель.

Актуальность изучения проблемы национально-культурной идентичности в отечественных гуманитарных дисциплинах обусловлена полиэтническим характером общества, его конфессиональным многообразием, историей формирования народов в границах России как культурных динамических систем.

Лингвокультурологический подход к проблеме вызван актуальностью исследования аксиологических оснований идентичности, отражающих опознавательные и содержательные контуры национальной культуры.

Лингвоментальные экспоненты культуры, увиденные в своих «статических» воплощениях – культурных константах, концептах, ментефактах, – направляют исследовательский интерес к изучению ценностных фрагментов концептуальных картин мира.

Динамические процессы моделирования ценностно-смыслового пространства смещают фокус исследовательского интереса к идее «наблюдения» различных дискурсивных практик, эксплицирующих языковое и коммуникативное разнообразие техник аксиологической интерпретации [1. С. 29].

В центре нашего внимания – дискурс этнокультурной идентичности, субъектами которого стали представители русской этнической общности, участвовавшие в психолингвистическом эксперименте, направленном на актуализацию рефлексий этнокультурного характера. В ходе направленного ассоциативного исследования участники были вовлечены в дискурс этнокультурной идентичности на основе общности обсуждаемой темы: типологические особенности этнонационального характера и коммуникативного поведения представителя русской этнической общности, прообразом которого послужил герой историко-психологического этюда О.В. Ключевского.

По условиям эксперимента перед участниками стояла проблемно-эвристическая задача написать изложение с элементами сочинения. Обращение к подобному жанру обусловлено идеей приоритетности осознанного (рефлексивного) подхода к реконструкции аксиологической модели этнокультурной идентичности.

Данные эксперимента можно рассматривать как актуальный срез ценностной картины мира представителей русской этнокультурной общности. Философским основанием методологических установок эксперимента мы считаем мнение о том, что «культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она

всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [2]. В.Г. Гак считает, что оценочная интерпретация фактов действительности очерчивает границы национальной культуры: «...культурная специфика предполагает соответствие слова определенному элементу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни» [3. С. 36]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, в сфере аксиологического измерения бытия следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов [4. С. 186]. Таким образом, данное исследование направлено на выявление ценностно-смыслового профиля культурной модели, существующей в национальной традиции и проявляющейся как в типовых, так и в индивидуальных реакциях восприятия, интерпретации и оценки.

Группа испытуемых включала 26 студентов заочного отделения Российской академии правосудия г. Томска. Возрастные границы респондентов – 19–32 года. 8 человек имеют среднее образование, 14 – среднее техническое, 4 – незаконченное высшее. Все участники идентифицировали себя как представители русской этнической общности. Стимульным материалом эксперимента послужил фрагмент произведения О.В. Ключевского «Психология великоросса». Выбор подобного текста был обусловлен идеей оценочной сложности, неоднозначности описываемого образа, интерпретация которого предполагает ассоциирование в широких аксиологических границах.

В качестве опорных для рефлексирования текстовых микропозиций рассматривались тезисы, репрезентирующие инварианты коммуникативного поведения представителя русского этноса. Ожидаемые результаты эксперимента были связаны как с экспликацией стереотипизированных характеристик представителя русской этнокультуры, так и с актуализированием процесса ценностно-смысловой интерпретации исходного образа. Как мы полагаем, типовые черты великоросса, описанные Ключевским, актуальны для носителя современной культуры с точки зрения предсказуемого ассоциирования в границах стереотипно актуализируемых характеристик «терпеливость», «трудолюбие», «приоритетность духовного над материальным» и т.д. (в этом плане показательны результаты социологического мониторинга Всероссийского центра изучения общественного мнения, направленного на описание

этнического автопортрета русских [5]). В этом случае вектор аксиологизации определяется когнитивной установкой на воссоздание этнокультурного (авто)стереотипа, под которым понимается «социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [6. С. 71]. В то же время регулятивный уровень эксперимента предполагал ценностно-содержательную рефлексию – процесс формирования идентичности на уровне осознания мотивировочных оснований оценки, конструирование персонального идентифицирующего дискурса с национально-культурной аспектацией. В этом случае можно говорить об актуализировании в сознании респондентов «когнитивной структуры, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и связей реальных / гипотетических объектов» [7. С. 165]. В качестве таковых условиями эксперимента заданы экспликации личностной рефлексии о себе – представителе русской национальной культуры. Учитывая то, что в качестве фокуса рассмотрения и поиска национальных черт испытуемым был предложен историко-психологический нарратив – описание русского этносоциального и этнопсихологического типажа, в ожидаемом портрете, помимо экзистенциального уровня реконструкции, должен проследиваться институциональный, определяющий взгляд на себя как на часть общества, определенный «результат» его динамики.

При проведении эксперимента учитывалось то, что этноспецифическое «содержание» зачастую не рефлектируется представителями того или иного этноса, и в обыденной жизни ощущение собственной идентичности вряд ли осознается вне ситуации столкновения с «иной» культурой. Все это создает дополнительные трудности при описании базового культурного пласта личности. Действительно, национально-культурное пространство «виртуально» и в то же время реально, оно не столько информационно, сколько эмоционально, поэтому для попытки его экспликации могут быть релевантными методы ментально-эмоциональной актуализации, когда говорящему устанавливается определенный вектор ассоциирования на основе этнокультурного кода.

В границах заданной экспериментом ситуации реципиент воспринимает задание как не вызывающее особых трудностей: переключение внимания на формальный аспект работы над воспроизведением текста высвобождает творческую энергию, необходимую для написания сочинения. Таким образом, достаточно эффективно срабатывает пусковой механизм ценностного проектирования, свободной работы с содержанием концепта, наполнения его новыми динамическими валентными связями.

Смысловым центром используемого текста стали рассуждения о влиянии геоклиматического фактора на этнокультурную составляющую сознания и коммуникативного поведения. При этом следует отметить то, что в качестве прототипического образа русского О.В. Ключевский выбрал не представителя русской привилегированной династии, а крестьянина – наиболее массового выразителя «русской души»: «Народные

приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великоросский авось»... [8. С. 311].

Для идентифицирующих рефлексий выбор подобного типажа представляет ситуацию аксиологического конфликта, инициирующую поиск ценностных оснований самохарактеристики. Логично, что в поиске изначальных культурных констант, которые могут составить этнокультурную идентичность, значимы мифологизированные образы и символы национальной истории – прежде всего выдающиеся исторические личности. Разнообразные знаковые формы исторического прошлого и заключенные в них мифологемы усваиваются и транслируются культурой в качестве «образцовых». *Психологическая мотивация нашего эксперимента* предполагает отталкивание от оценочно разнопланового концепта: «негероический» образ должен «оживить» в сознании реципиентов свободные от стереотипов ассоциации.

Содержательный план текста заключает в себе три микротемы, образуемые рассуждениями об обусловленности русского психотипа геоклиматическим фактором. По Ключевскому, суровые климатические условия – это основополагающий фактор социокультурной специфики русской этнической общности. Вынужденность великоросса принимать «самое нерасчетливое решение», «каприз собственной отваги» и выработавшаяся привычка действовать «на авось» при интерпретации текста и создании собственного нарратива воспринимаются как эмоциональная доминанта текста, организующая первую микротему и выступающая в качестве ценностного основания для рефлексии над *иррациональностью* поведения представителя русского этноса.

Следующий фрагмент текста решает задачу формирования ценностного представления об *отношении к труду*. В понимании О.В. Ключевского русские более остальных народов склонны к мобилизационным моделям жизни – к работе на пределе человеческих сил, но в течение непродолжительного времени, поскольку «природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда» и «короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем»... «Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и вовремя убрать с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья» [8. С. 311].

Микротема этого текстового фрагмента должна стать основанием для интерпретации в границах разноплановой оценочной модальности. Спроецировать оценочно-дескриптивный план осмысливаемого образа на представителя современной этнокультуры возможно как со стороны положительных оценок трудолюбия и

выносливости, так и в плане психоэмоциональной экстремальности – работа на пределе возможностей, сменяющаяся энтропийным состоянием, определяет непредсказуемость поведения.

Следующий фрагмент актуализирует представление об *аналитических способностях* великоросса к планированию жизни: *«Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучали его больше обсуждать пройденный путь, чем заглядывать вперед»* [Там же. С. 311].

Актуализатором оценочной интерпретации выступает представление о склонности великоросса к ретроспективной рефлексии, способности к критическому анализу прошлого при одновременной неспособности планировать будущее.

Таким образом, текст задает векторы ассоциирования с психологически и социально противоречивым прототипом. Национально-этническая психология русских («русская душа») складывалась под влиянием целого ряда факторов в течение исторически длительного времени. «Они и породили особый тип социальной психики, отличающийся доминированием массовой психологии над развитием индивидуального сознания. Этому способствовали прежде всего геоклиматические условия: однообразные в ландшафтном плане и трудные для освоения обширные равнинные пространства, суровые погодные условия, огромные непроходимые лесные массивы» [9].

Текстом имплицитно задается следующая идентифицирующая топика: образ исторического прошлого, сравнение прошлого с настоящим. Оценочно-смысловым пространством для рефлексии должны стать представления о прототипе представителя русской этнокультуры, содержащие двойственную оценку: с одной стороны, в глазах современника это героизация труженика, а с другой – оценка поведенческой алогичности. Данные фреймвые структуры концепта *великоросс* выступают как мотивировочные основания для ментально-аксиологического проектирования образа современного представителя русской этнокультуры.

Полученный материал представляется достаточно разнородным. Разнообразие смысловых акцентов и эмоциональных оценок обусловлено характерологическими, психологическими, гендерными особенностями респондентов. Абстрагируясь от этой разнородности, мы сосредоточили внимание на оценочно-дескриптивной стороне дискурса идентичности, который будет описываться по следующим параметрам:

- а) эксплицирование «Я-темы» – вторичных микротем, актуализирующих этнокультурную саморефлексию;
- б) оценочное противопоставление / сопоставление прошлого времени и настоящего;
- в) актуализирование оппозиции «свой – чужие»;
- г) декларативно выражаемые оценки в речевых актах с перформативной семантикой.

Параметр «а» позволяет обнаружить моделирование ценностно-смысловых границ собственного, персонального дискурса идентичности, в котором ценностными координатами выступают различные аспекты самоопределения: национальные, социально-бытовые,

территориальные, гендерные и т.д. Отталкиваясь от заданного текста, информанты предложили свои собственные, значимые в плане самопознания и этнокультурного самоопределения нарративы.

Параметры «б», «в» фиксируют уровни эмоционально-оценочной рецепции дискурсивной модели идентичности: осознание выраженности в себе этнокультурного начала происходит через сопоставление / противопоставление темпоральных и национальных ценностных систем.

Параметр «г» позволяет описать степень идеализации реконструируемых «оснований» идентичности (ценностей личностного, семейно-бытового, исторического планов – того, что актуализируется в сознании респондентов как аксиологические «опоры» идентификации). Также на этом уровне параметризации выявляется степень осознанности мотивировочных оснований идентификации: декларативно заявляемые оценки могут формулироваться как тезисы, разворачиваемые в аргументации, или как «лозунги» без выхода на доказательность.

Анализ данных эксперимента позволил обнаружить типовые эмоционально-психологические реакции на заданный образ. Также были выявлены и описаны когнитивные стратегии этнокультурной самопрезентации: реакции респондентов на стимул, заданный экспериментом, обнаружили селективный характер формирования оценки – текст, содержащий оценочно-отрицательные смыслы, воспринимался с позиции компенсационной модальности. Главным оценочным катализатором большинства мнений о великороссе стало представление о его положительных реальных или потенциальных качествах, основной стратегией репрезентации стала оправдательно-одобряющая. В двух случаях этноним «великоросс» был истолкован как «великий россиянин», «житель великой России». Заданный текстом бытийный аспект рефлексирования обусловил вовлечение в процесс самоопределения ценностей, получающих определенный коэффициент идеализирующего преломления. Возможно, в этом случае следует говорить о насущной психологической потребности в положительных модусах идентификации как таковой.

При конструировании этнокультурной составляющей представителя русской национальной общности наиболее частотными выступают такие качества, как трудолюбие, выносливость, терпеливость. Приведем примеры:

Великороссы очень трудолюбивы, они готовы выложиться на все сто.

Приспосабливаясь к любым погодным условиям, они никогда не загадывают на завтрашний день. Живут прошлым и настоящим. Великороссу проще проанализировать вчерашний и сегодняшний день, чем задуматься что-то на завтра. И это не только наше русское авось, это то, чему научила жизнь – ее законы, которым надо следовать.

Идеализирующая семантика оценок реализуется через указание на максимальное проявление признака: *«выложиться на все сто», ...«к любым погодным условиям».*

При оценивании характерологических проявлений великоросса респонденты выбирают в основном положительный спектр оценок, редуцируя оценочное содержание образа до нейтральных или позитивно оцениваемых про-

явлений. Неумение планировать на будущее интерпретируется в границах положительной модальности, рассматривается как сосредоточенность на текущих делах, умение следовать неким предустановленным нормам.

Гиперболизированное представление о положительных качествах представителя русского этноса закрепляется в сознании реципиентов через актуализированную оппозицию «свои – чужие». Характерно, что этнокультурная идентифицирующая саморефлексия – проецирование выделенных качеств великоросса на себя – происходит с опорой на эту оценочно-смысловую антинорму. Относительно устойчивые, передаваемые из поколения в поколение представления о достоинствах и недостатках «своих» и «чужих», как правило, имеют весьма упрощенный, субъективный характер. В нашем случае биполярные характеристики продемонстрировали стремление сохранить ощущение своей позитивной идентичности. В результате сопоставления с условными представителями других этнокультур образ великоросса (в текстах респондентов границы понятия «великоросс» размываются в номинациях «россиянин», «русский») наделяется некой исключительностью: *Никто не может полностью понять загадочную русскую душу. Никто на Западе или в Америке не может трудиться столь упорно и долго, как россиянин в определенный момент времени. Ни один западный человек не может так быстро привыкнуть к особенностям климата нашего края (даже в августе у нас бывают заморозки), даже переехав в другой регион, чувствуешь сильное изменение в климате, в отношении к тебе окружающих людей.*

В общем контексте мнений об исключительных качествах русских, непостижимости их особого психомоционального и ментального строя выделяется декларативное заявление: *Я думаю, великороссом может гордиться весь мир...* Значимыми маркерами исключительности становятся отрицательные местоимения и наречия с контекстуальным значением категоричности: *никто, никогда, ни один (человек).*

Представление о способности к труду и выносливости в большинстве ответов стали мотивационным основанием для этнокультурной идентификации: *Я считаю великороссов настоящими. Такими были всю свою жизнь мои родители – настоящие великороссы. Отца уже нет в живых, а мама по сей день трудится на двух огородах, сама колет дрова и преподает в сельской школе, и с внуками помогает. Но вот сколько я помню, они, в отличие от великороссов, всегда задумывались о завтрашнем дне.*

Характерное идеализирующее преломление получил прототипический образ русского в контексте рассуждений о современных реалиях. В сознании респондентов представление об образе великоросса наложилось на представление о времени, окрасив его в соответствующую модальность – прошлое, в котором жили и трудились такие предки, как великоросс, интерпретируется с позиции положительных оценок, а настоящее, в котором функционируют прагматически ориентированные потомки, расценивается как время нестабильных ценностных ориентиров: *Само слово великороссы уже говорит само за себя. Я думаю, если на земле было бы побольше таких людей, то жить стало намного бы*

легче и светлее. А то каждый норовит все взять за дарма, нахалству, не прилагая совершенно никаких усилий. Но даже в поговорке говорится: без труда не вытащишь рыбку из пруда. Вот такие и есть на самом деле эти люди – великороссы, которые всего добиваются своим нелегким трудом.

Эксперимент показал, что образ прошлого воспринимается как некий центр ценностных представлений в темпоральной системе прошлое – настоящее – будущее. Возможно, идентифицирующая рефлексия направляет аксиологический вектор поиска своего «я» к тем культурно-временным истокам, которые воспринимаются с точки зрения моральных императивов: представлений о долге, бескорыстии, трудолюбии.

Приведем отрывок из сочинения: *...более старшее поколение великороссов считает, что нужно любить свою землю и жить на ней, беря с благодарностью то, что тебе нужно, вкладывать в нее свои силы. Современные великороссы уже живут по-другому, считая, что нужно как можно более комфортнее и легче сделать свою жизнь. Современное поколение не хочет работать на своей земле...*

Мы перестали создавать и производить. На данном этапе развития наша страна, как бы это ни было прискорбно, является сырьевой, а русский человек превратился в простого потребителя. Может быть, именно потому, что он привык много работать, но быстро, ему и хочется всего и побыстрее.

Актуализированная ценностная оппозиция «прошлое – настоящее» стала той системой координат, в которой респонденты «реконструировали» образ современника. По мнению анкетированных, современное общество не обладает той «иммунной системой» моральных императивов, которые были свойственны представителям прошлых поколений.

Значимо, что аспекты представлений о традиционной культуре определили модус рассуждений о настоящем и будущем страны: даже если сейчас в ней функционируют лабильные и конъюнктурные представители прагматически ориентированной культуры, ценности прошлого живут в нас на генетическом уровне, определяют корпоративное мышление и поведенческие установки, поэтому у современного поколения есть шанс найти ценностные основания и обоснования своей жизни (характерно, что эти идеализированные представления о духовно-нравственных перспективах развития общества, выраженные весьма абстрактно и декларативно, связываются с образом не настоящего, а будущего): *...но я думаю, с течением времени он сам все поймет и изменится, ведь не зря же говорят, что русский долго запрягает, зато быстро едет, да нет, я в этом уверен, я же сам русский, и я горжусь, что мне довелось жить в России...*

Используя стратегию презентации собственной мировоззренческой позиции, автор следующего текста акцентирует идею необходимости консенсуса на всех уровнях общественных и социальных страт – в сознательном формировании общинного духа видится решение проблемы социальной разьединенности: *Современная жизнь в России разделяет наше общество на различные общественные, религиозные, политические организации, враждебно воспринимающие деятельность друг друга. Чтобы под*

черкнуть независимость собственной персоны, мы привыкли противопоставлять себя друг другу, превращая нашу собственную жизнь в борьбу, мечтая только о том, чтобы сохранить конкурентоспособность, но жизнь – это сотрудничество, и нам нужна не изоляция собственных идей, намерений, целей, а интеграция.

Модальность идентичности маркируется на лексическом уровне – об определенном чувстве национально-культурной причастности говорят эмоционально-оценочные высказывания от 1-го лица с утвердительно-перформативной семантикой: ...мы – жители России – многонациональной страны. Изначальные условия у всех нас – разные. Но есть нечто, что объединяет нас, заставляя или помогая относиться ко всему происходящему определенным образом. Это наша культура, то есть все то, что включает в себя это понятие и наше к нему отношение...

Акцентирование респондентами понимания причин социокультурной нестабильности поддерживает осознанное восприятие собственной позиции – в личную сферу автора естественно входит социальная. Субъект оценочного отношения осознает собственную ответственность и причастность к интерпретируемым фактам.

В процессе аксиологической интериоризации культурно-исторического образа прошлого для респондентов становится важным дефинирование понятий, описывающих национально-культурную специфику. Так, респонденты обращаются к понятию *русский менталитет*: ...на протяжении всей его (народа) насыщенной и очень богатой историей жизни появился свой особый менталитет. Суровый климат и непредсказуемость природы стали основополагающими, так как времени для работы они выделяли русскому человеку мало, а сделать за этот временной отрезок необходимо очень много. Вот и привык русский человек работать много и быстро. Ни один европейский народ так не умеет. Но в этом, я считаю, есть и главная проблема.

Русский человек предпочитает работать один, именно тогда и наступает состояние, когда он полностью погружается в работу, отдается ей, делая ее от чистого сердца и вкладывая в нее свою душу. Русский человек имеет такое свойство, как полагаться на удачу, или, как еще говорят в народе, «на авось». И за это, я думаю, его винить нельзя, так как это у него в крови, это его менталитет...

Рассуждая о русской ментальности, авторы приведенных фрагментов опираются на мнение О.В. Ключевского о зависимости русского национального характера от гео-климатического фактора, но в то же время редуцируют содержательно-семантический план исходного текста. Причина нерационального отношения к собственной деятельности, по мнению респондентов, заключается не только в привычке работать в мобилизационно-экстремальном режиме, в суровых погодных и климатических условиях, но и в характере, психо-эмоциональном складе русских, которые не могут трудиться, не вкладывая в дело душу. Неспособность к анализу, полагание «на авось», по мнению автора, нельзя рассматривать как вину русского человека, поскольку эти качества – особенности менталитета, они «в крови» у всех русских.

Приведем еще один пример, в котором степень рефлексивности автора проявляется во внутреннем диа-

логе с собой, оформленном при помощи риторического приема парцелляции: *Русский менталитет... Что это? Что мы вкладываем в это понятие? С моей точки зрения, это то, как мы относимся ко всему, что происходит в нашей жизни: к людям, к труду, к самим себе, к проблемам нашего государства и общества. По-моему, все, что сказано автором о великороссе, актуально сегодня. Мы, действительно, верим в приметы, хотя в наш век технологий и развития науки это неприемлемо. Например, когда зацветет черемуха, мы ждем похолодания, или, если дождь пошел с утра, то он будет идти до обеда и т.д. Многие не задаются мыслью, откуда в нас это... я думаю, что это передается нам на генном уровне, с молоком матери.*

Модус этнокультурной идентичности проявляется в этом случае характерно противоречиво: автор заявляет об актуальности характерологических качеств великоросса в настоящее время, но делает это не вполне доказательно – остается непонятным, что еще, кроме привычки верить в приметы, сближает представителей разных поколений. Скорее всего, сложность вербализации неосознаваемого, того, что человек проживает на эмоционально-чувственном уровне, не предполагает «упрощения» процесса самооценивания. Субъект идентификации соизмеряет свою личность с комплексом социобиологических и социокультурных маркеров. При этом сам процесс присвоения идентичностей характеризуется неустойчивостью, зависимостью от идеологии и ценностной системы общества, знаний, личных вкусов и предпочтений индивида. В этом случае идентичность можно рассматривать как культурный феномен, сложный динамический процесс ментально-эмоционального конструирования.

Следует отметить, что в сознании респондентов образ прошлого в принципе связывается с представлением об эталонной ценностной системе. Замечая неоднозначность проявлений великоросса (доминирование иррациональных компонентов в сознании, неспособность к планомерному труду, невнимание к жизненному благоустройству и т.д.), респонденты аксиологически трансформируют эти типовые черты: смягчают оценки автора, оправдывают те или иные особенности коммуникативного поведения: ...он не любит работать в окружении, не любит похвал и не желает быть знаменитым...

<...> Осмотрителен, но не предусмотрителен. Мыслит и действует, как ходит, то есть прямо. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть русское авось. Великоросс идет к своей цели часто недостаточно обдуманно, идет, оглядываясь по сторонам. Всем известны трудолюбие, приспособляемость и живучесть русского мужика, прямолинейность, несклоняемый дух и воля.

Осмысляя русский национальный типаж, авторы сочинений выдвигают на первый план духовные качества великороссов – «несклоняемый дух и волю русского человека». Эта закономерность аксиологической интерпретации обнаружила «согласованность» с актуализируемой при реконструкции автостереотипа оппозицией «материальное – духовное»: великороссу чужды материальные блага, ему важно чувствовать гармоничное единство со своей родиной, поскольку себя он воспринимает как ее часть: *Самое главное, что великий*

русский народ сможет жить только на своей родине, так как это его земля, его душа.

Результаты исследования обнаружили, что наиболее продуктивной для осмысления с позиции этических оценок стала тема исторического прошлого, понимаемого в системе надтекстовой парадигмы, аксиологические структуры которой выстраиваются понятиями «добро-совестный», «достойный», «мужественный», «порядочный», «бескорыстный», «несклоняемый духом». Следует отметить стремление респондентов направить оценочный вектор самоидентификации в сторону положительной оценочной шкалы, придать конструируемому образу представителя этнической общности идеализирующие черты. Темпоральная основа идентификации в сознании респондентов ретроспективна: сегодняшний россиянин может гордиться своим прошлым, которое не трактуется как-то определенно, измеряется понятием «прошлого вообще» (ни один из респондентов не очертил хронологические рамки истории России, связываемой с образом великоросса) и конкретным героическим прошлым военных лет. Представители прошлого мыслятся респондентами как «настоящие русские», себя же с оценочно-временной шкалой участники эксперимента не соотносят: *Высказывания автора о невероятной трудоспособности русских, о преодолении трудностей в одиночку, своими руками, потом и кровью, справедливо. Выиграв войну, не возгордились, сделав великое, не кичились своим величием, а продолжали жить, работать, воспитывать детей, восстанавливать все, что было разрушено. В этом им помогла сила духа, вера в себя.*

Критический пафос в рассуждениях о характере великороссов коснулся аналитической способности, интерпретируемой Ключевским как «неумение заглядывать в будущее», «привычка жить задним умом, полагаться на авось». Пожалуй, наиболее трезвые оценки спровоцировала именно эта микротема. Рефлексии респондентов демонстрируют оценочное совмещение этих референциальных уровней: неспособность поколения предков планировать, рационально строить и обустривать собственную жизнь обусловила незрелость этих качеств у представителей современного поколения: *...автор в своем тексте говорит: «русский народ задним умом крепок». Это говорит об отсутствии у крестьянского слоя населения Великой Руси образования, аналитической составляющей и планирования собственного труда.*

*Отсутствие целеустремленности и привело к ба-
рьеру в развитии целого народа. ...если великоросс сам
сможет себя понять, то более рационально и рассу-
дительно сможет подходить к своему делу. Если бы
великоросс более продуманно прокладывал свой путь,
то облегчил бы себе жизнь. Все проблемы русского
человека в недалёком будущем...*

Таким образом, респонденты пытались оценить себя в широком историческом контексте, рассматривая исторический план оценочной проективности как межсубъектное пространство диалога. Эксперимент продемонстрировал, что себя в этнокультурном статусе респонденты оценивали имплицитно: через причастность к тому значимому, что в их сознании актуализируется образами исторического прошлого. Характерно обозначена только одна конкретная смысловая опора идентификации – победа в Великой Отечественной войне. При этом истори-

ческий контекст воспринят как общая неотрефлексированная основа для оценочной интерпретации, в логике подобного аксиологического хронотопа вполне закономерны следующие мнения: *Великороссия – самая красивая, великая и загадочная часть земного шара.*

В заключение хочу сказать, что все, о чем пишет автор, очень мне близко и понятно, что, читая эти строки, я понимаю, что автор пишет обо мне тоже. Я горда тем, что отношусь к великороссам, пусть я и живу задним умом, пусть я не умею смотреть вперед, но все же я счастлива, что родилась в России.

Я люблю Россию, люблю Томск. Я воспитываю в себе человека законопослушного, с чистой совестью. Я верю в социальную справедливость и равенство, верю в то, что можно изменить отношение к происходящему.

Россия до сих пор пытается жить и развиваться на умах своих предков. Постоянно оглядываясь, что-то анализируя. Иначе мы, русские, станем роботами, работающими по заданной программе.

Обобщая результаты проведенного эксперимента, можно говорить о выявленных типологических особенностях когнитивно-коммуникативной структуры этнокультурной автохарактеризации. Ассоциативный вектор этнокультурного идентифицирования определяется когнитивно-коммуникативной стратегией положительной самопрезентации. В сознании респондентов образ прошлого стереотипно окрашивается положительными модальными смыслами (здесь можно согласиться с тем, что «сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингво-культурного сообщества» [7. С. 17]). Центральное место в совокупном представлении о прототипическом образе представителя русской этнокультуры занимают такие качества, как готовность и способность к труду в любых, даже экстремальных условиях, простота, неприхотливость, нерасчетливость. Сам факт ретроспективной отнесенности осмысляемого образа определил идеализацию всего, что ассоциативно связывалось с представлением об историческом прошлом страны, при этом ответы респондентов отличались отсутствием конкретизации, рефлексивной «пустотой», заполнением ценностно-смыслового пространства интерпретации «штампами сознания» (по В.В. Красных), в границах которых конститутивным фактором этнокультурной самопрезентации стало представление о героическом прошлом страны.

Актуальный срез этнокультурной идентичности продемонстрировал отсутствие рационализируемых ценностей настоящего. В процессе этнокультурной автохарактеризации респонденты не выявили четкого понимания ценностных опор в современной национальной культуре, представление о которой имплицитно формируется через сравнение прошлого с настоящим как ценностно значимого времени и профанного. При этом достаточно часто респонденты актуализируют тему будущего, в котором, по их мнению, станет возможно компенсировать отсутствие прочных ценностных опор времени сегодняшнего. Характерно, что на вербальном уровне представления образ будущего маркирован фидеистической семантикой («Я ве-

рю...»). Представляется, что такие рефлексии могут свидетельствовать о дефиците ценностей, значимых для этнокультурной самоидентификации.

Экстраполируя опыт реконструкции этнокультурной модели самоидентификации в идеологическое пространство России, можно говорить об актуальности проблемы ценностных оснований идентичности [10], о существенных трансформациях структуры коллективной идентичности в последние десятилетия [5], о состоянии этнокультурной идентификации как о сложнейшей психологической и идеологической проблеме, особенную остроту которой исследователи связывают с

процессами культурной фрагментации и повышением неустойчивости этнических ценностей.

Анализ дискурсивных практик моделирования ценностных координат, значимых для формирования личностной и коллективной идентичности, – также актуальная задача современной лингвокультурологии, этнолингвистики, социоллингвистики. Рассматриваемые в проблемном поле этих наук когнитивные механизмы аксиологизации действительности позволяют описывать этнокультурную спецификацию культурной динамической модели ценностного восприятия и интерпретации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. и др. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России (сборник статей 1914–1917). URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
3. Гак В.Г. Русская динамическая картина мира // Русский язык сегодня : сб. ст. М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 36–44.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2010. 288 с.
5. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России. URL: http://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : Икар, 1997. 3-е изд. ; УРСС, 2003. 226 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
8. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 432 с.
9. Ольшанский Д.В. Психология масс. URL: <http://userdocs.ru/psihologiya/108/index.html?page=18>
10. Дубин Б.В. Россия и другие. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2006/4/du14.html>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/2

Yermolenkina Larisa I. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arblar2004@rambler.ru

Kostyashina Yekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k.yashin@rambler.ru

AXIOLOGICAL PARAMETERS OF ETHNOCULTURAL IDENTIFICATION: EXPERIMENTAL RESEARCH DATA.

Key words: ethnocultural identity; axiological space of language; ethnocultural self-identity; axiological model.

The paper deals with the discourse of national-cultural identity, representatives of the Russian ethnical community who participated in the psycholinguistic experiment being the subjects of the latter. The formation of ethnic and cultural identity in the communicative space of students of the city of Tomsk is described. Ethno-cultural identity is seen as a dynamic category. The subject of research is the communicative and linguistic markers of national identity, which communicants represent in the psycholinguistic experiment. The purpose of the experiment was to trigger a situation, which would be relevant for a conscious approach to the formation of an ethnocultural self-portrait. The participants were given a task to write a description with elements of a composition. The genre was chosen due to the idea of the priority of reflexive reactions when reconstructing the axiological model of ethnocultural self-presentation. The students of the Russian Academy of Justice in Tomsk were the experimental subjects. They were offered stimulus material – an excerpt from *Psychology of the Great Russian* by V.O. Klyuchevsky. The choice of the text was determined by the idea of axiological complexity, by the ambiguity of the image, the interpretation of which calls for associations within wide axiological boundaries. Experimental results showed that the main cognitive-communicative strategy of the prototype image apprehension is the idealisation of the past, which is associated with the idea of traditional culture. In respondents' perception the image of the past is stereotypically coloured in positive modal meanings. The respondents' responses are characterised by the absence of concretism, reflexive "emptiness". The axiological space of interpretation is filled with "clichés of consciousness", within the boundaries of which the idea of the heroic past of the country became a constituent factor of ethnocultural self-presentation. The current study of ethnocultural identity displayed the absence of rationalised values of the present. In the process of ethnocultural self-characterisation the respondents have not revealed a clear understanding of the axiological foundation in the present-day national culture, the concept of which is implied through the comparison of the past with the present as of an axiologically meaningful time, and a secular one. The respondents often actualise the question of the future, when, according to their opinion, it will be possible to make up for the absence of a solid axiological foundation of the present.

REFERENCES

1. Rezanova Z.I., Ermolenkina L.I., Kostyashina E.A. i dr. Diskursivnye kartiny mira // Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs / red. Z.I. Rezanova. Tomsk : ID SK-S, 2011. 288 s.
2. Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii (sbornik statey 1914–1917). URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
3. Gak V.G. Russkaya dinamicheskaya kartina mira // Russkiy yazyk segodnya : sb. st. M. : Azbukovnik, 2000. Vyp. 1. S. 36–44.
4. Alefirenko N.F. Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka : ucheb. posobie. M. : Flinta: Nauka, 2010. 288 s.
5. Gudkov L. Struktura i kharakter natsional'noy identichnosti v Rossii. URL: http://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/
6. Prokhorov Yu.E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. M. : Ikar, 1997. 3-e izd. ; URSS, 2003. 226 s.
7. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya : kurs lektsiy. M. : Gnozis, 2002. 284 s.
8. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya : v 9 t. M. : Mysl', 1987. T. 1. 432 s.
9. Ol'shanskiy D.V. Psikhologiya mass. URL: <http://userdocs.ru/psihologiya/108/index.html?page=18>
10. Dubin B.V. Rossiya i drugie. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2006/4/du14.html>